

ВОЙНА Цѣна отд. № 15 коп. ИИ-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 46

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1914
13 НОЯБРЯ.

Рис. Ре-ми.

НАЧАЛО КОНЦА.

„Мы должны сейчас перейти къ новымъ задачамъ, защитѣ своихъ родныхъ очаговъ, на которые готовятъ нападеніе вырождающаяся Франція и варварская Россія. Отнынѣ военныя дѣйствія примутъ новый оборотъ, который станетъ скоро понятенъ каждому изъ васъ — моихъ дорогихъ и славныхъ солдатъ. Приступая къ осуществленію новаго намѣченнаго плана, я хочу сказать вамъ, мои богатыри: настала грозная часть для васъ и для всей Германіи. Необходимо

приложить максимумъ энергіи для отраженія нашихъ враговъ, ибо иначе Германія изъ прекрасной свободной страны превратится въ порабощенную, униженную провинцію Россіи и Франціи. Если вамъ дорога Германія, если вамъ дороги ваши семьи, культура, вѣра, вашъ, страдающій за свой народъ, императоръ, — вы дадите врагу должный отпоръ... Ни на шагъ назадъ въ нашей странѣ!“

(Воззваніе Вильгельма II къ войскамъ.)

ВЪ ОКОПАХЪ.

Смерть: — Добрые эти нѣмцы, — меня, старуху, пожалѣли: сами себѣ могилу вырыли, — только засыпать осталось!

СТАРЧЕСКОЕ.

Фельетонъ Арк. Аверченко.

Падаютъ, падаютъ желтые листья на сѣрыя скользкія дорожки. Нѣхотя падаютъ.

Оторвется листъ и тихо, неувѣренно колеблясь, цѣпляясь за каждую вѣтку, за каждый сукъ, падаетъ, падаетъ листъ, потерявшій всѣ соки, свернувшійся, какъ согбенный старикъ.

Кхе-кхе!..

Невеселую пѣсню тянетъ тонкимъ голосомъ запутавшійся среди черныхъ голыхъ вѣтвей вѣтеръ, тоже состарившійся съ весны, когда было столько надеждъ и пышнаго ощущенія своего бытія.

У чорта на куличкахъ теперь эти надежды и это пышное ощущеніе бытія. Гдѣ та нарядная береза, которую онъ любилъ цѣловать въ теплый задумчивый вечеръ, когда озеро гладко, какъ дорогое зеркало, а оттуда, гдѣ закатъ, доносится мирный, умилительный колокольный звонъ?

Отъ березы остался грязный скелетъ, и сама она, вмѣсто гармоническаго шелеста, издаетъ такой печальный скрипъ, что взять бы и повѣситься на ней отъ тоски и ужаса.

И еще упало нѣсколько листьевъ. И еще.

Кхе-кхе!..

Къ вамъ, бѣдные старики-человѣки, обращаются мои взоры, и тоска давить сердце: вѣдь и я буду старикомъ.

Не хочется...

Какъ сухіе листья, опадутъ постепенно мои нѣжные шелковистые волосы — мои волосы! Какъ сучковатая вѣтвь станутъ мои сильныя, гибкія руки — мои руки! Уродливыми корнями уйдутъ въ землю мои стройныя ноги, каждый мускуль которыхъ напрягался и дрожалъ, когда несли онъ меня къ любимой, — мои сильныя ноги! Темная кора, вся въ морщинахъ и царапинахъ, будетъ покрывать пригнувшееся къ землѣ тѣло — мое тѣло, которое жадно цѣловали ненасытныя женскія губы.

Падайте, листья, пригибайся, стволъ — къ землѣ, къ землѣ! Уходи въ землю, старый дуракъ, нечего тебѣ шамкать о какихъ-то любимыхъ и любящихъ женщинахъ — кто тебя, корявую колоду, могъ поцѣловать?..

Да вѣдь цѣловали же! Цѣловали! Ну вотъ же, ей Богу, цѣловали... И какъ!

Бѣдные старики.

Не старикъ я, а буду старикомъ.

Богатая у меня фантазія, роскошная фантазія! Вотъ, захочу сейчасъ, закрою глаза, да и представлю себѣ, ясно, какъ на солнцѣ, — отрывокъ, отрывочекъ моей старческой жизни...

Слушай, читатель.

Кхе-кхе!..

* * *

Шелковыми волосами, нѣжной щекой трется о мою заскорузлую жилистую руку внукъ, Костя, Саша или Гриша — какъ тамъ его заблагоразсудятъ назвать нѣжные родители.

— Дѣдь, — говоритъ Костя, — что ты все спишь, да спишь... Разскажь бы что-нибудь...

— Да чего тамъ разсказывать... И разсказывать нечего.

— Эхъ, ты... А еще мама говоритъ, что писателемъ былъ.

Мои потухшіе глаза чуть-чуть загораются.

— А вѣдь былъ же! Ей Богу, былъ. Помню, выпустилъ я какъ-то книжку «Веселыя устрицы»... Годовъ тому, поди, пятьдесятъ будетъ. Одинъ критикъ возьми и напиши: «этотъ, говоритъ, молодой человѣкъ подаетъ надежды»...

— Подаль? — спрашиваетъ внукъ, съ любопытствомъ оглядывая морщинистаго «молодого человѣка».

— Что подаль?

— А надежды-то.

— А песь его знаетъ — подаль или не подаль. Развѣ тутъ было время разбирать? Да ты самъ взялъ бы какую книжку съ полки, да почиталъ бы дѣдову стряпню, хе-хе-кхе! Кхе!

— Ну ее, — съ наивной жестокостью дѣтской ясной души морщится внукъ. — Еще недоставало чего. Почитать... Ничего я тамъ не пойму.

А у меня уже и самолюбія авторскаго не осталось. Все старость проклятая выѣла.

Даже не обидно.

— Ну, чего ты тамъ не поймешь! Въ мое-то время люди все понимали. Неужто жъ, умнѣе были?

— Нѣтъ, непонятно, — вздыхаетъ внукъ. — Вдругъ сказано у тебя тамъ: «Пріятели чокнулись, выпили по рюмкѣ водки и, поморщившись, поспѣшили закусить». «По одной не закусываютъ», крякнулъ Иванъ Николаичъ...» Ни черта, дѣдушка, тутъ не разберешь...

— Вотъ-те разъ! Что жъ тутъ непонятнаго?

— Да что это такое — водка? Такого и слова нѣтъ.

Молодостью повѣяло на меня отъ этого слова: вод-ка.

— Водка-то? Такое слово было.

— Что жъ оно значить?

— А напитокъ былъ такой. Жидкость. Понимаешь? Алкогольная.

— Для чего?

— А пить.

— Сладкая, что ли?

— Эва, хватилъ! Горькая, братъ, была! Такая горькая, что инда духъ зашибетъ.

— Горькая, а пили! Полезная, значить? Въ родѣ лѣкарства?

— Ну, насчетъ пользы — это ты, братъ, тово... Нищимъ человѣкъ отъ нея дѣлался, бѣлой горячкой заболѣвалъ, подъ заборами коченѣлъ...

— Такъ почему же пили-то? Веселымъ человѣкъ дѣлался, что ли?

Я задумчиво пожевалъ дряхлыми губами.

— Это какъ на чей характеръ. Иной такъ развеселится, что вынетъ изъ кармана ножикъ и давай всѣмъ животы пороть.

— Такъ зачѣмъ же пили?

— Пріятно было.

— А вотъ у тебя тамъ написано: «Выпили и поморщились». Почему поморщились?

— А ты думаешь, вкусная она? Выпилъ бы ты, такъ похуже, чѣмъ поморщился...

— А почему они «поспѣшили закусить»?

— А чтобъ вкусъ водочный отбить.

— Противный?

— Не безъ того. Крякать тоже, по этому же самому, принято было. Выпить человѣкъ — и крякнетъ. Эхъ, молъ, чтобы ты пропала, дрянъ этакая!

— Что-то ты врешь, дѣдь! Если она такая на вкусъ, почему же тамъ дальше сказано: «по одной не закусываютъ».

— А это чтобъ сейчасъ же другую выпить.

— Да вѣдь противная?

— Противная.

— Зачѣмъ же другую?

— А пріятно было.

— Когда пріятно? На другой день?..

— Тоже ты скажешь... «на другой день»! — оживился я. — Да на другой день, братъ, человѣкъ ногу не потащитъ.

Лежить и охаетъ. Голова болитъ, въ животѣ мутить, и на свѣтъ Божій глядѣть тошно до невозможности.

— Можетъ, черезъ мѣсяць было хорошо?

— Если мало пилъ человѣкъ, то черезъ мѣсяць ничего особеннаго не было...

— А если много? Дѣдъ, а? Не спи!

— Если много? Да если, братъ, много, то черезъ мѣсяць были и результаты: сидитъ человѣкъ съ тобой и разговариваетъ, какъ человѣкъ... Ну... а потомъ вдругъ чертей начнеть ловить. Смѣхи! Хи-хи, кхе-кхе!

— Какъ... ловить? Да развѣ черти есть?

— Ни шиша нѣтъ ихъ — и не было. А человѣку кажется, что есть.

— Весело это, что ли, было?

— Какой тамъ! Благимъ матомъ человѣкъ оралъ. Часто и помирали.

— Такъ зачѣмъ же пили? — изумленно спросилъ внукъ.

— Пили-то? Да такъ. Пилось.

— Можетъ, послѣ того, какъ выпьютъ, добрыми дѣлами занимались?

— Это съ какой стороны на такое дѣло взглянуть. Если лакею физиономію горчицей вымажетъ или жену по всей квартирѣ за косы таскаетъ, то для мыльнаго фабриканта или парикмахера это — и доброе дѣло.

— Ничего я тебя не понимаю.

Внукъ накрутилъ на палецъ кольцо своихъ золотыхъ волосъ и спросилъ, рѣшивъ, очевидно, подойти съ другой стороны:

— А что это значить — «чокнулись»?

— А это дѣлалось такъ: беретъ, значить, одинъ человѣкъ въ руку рюмку и другой человѣкъ въ руку рюмку... Стукнуть рюмку о рюмку, да и выпьютъ. Если человѣкъ шесть-семь за столомъ сидѣло, то и тогда всѣ перестукаются.

— Для чего?!!!

— А чтобы выпить.

— А если не чокаться, тогда ужъ никакъ не выпьешь?

— Нѣтъ, можно и такъ. Отчего же.

— Такъ зачѣмъ же чокались?

— Да вѣдь не чокавшись, какъ же пить?

Я опустилъ голову, и слабый розовый отблескъ воспоминаній освѣтилъ мое лицо:

— А то еще, бывало, чокнутся и говорятъ: «Будьте здоровы» или: «Исполненіе желаній». Или: «Дай Богъ, какъ говорится».

— А какъ говорится? — заинтересовался внукъ.

— Да никакъ не говорится. Просто такъ говорилось. А то еще говорили: «Пью этотъ бокалъ за Вѣру Семеновну!»

— За Вѣру Семеновну? Значить, она сама не пила?

— Какое! Иногда какъ лошадь, пила.

— Такъ зачѣмъ же за нее? Дѣдъ, не спи! Заснулъ...

А я и не спалъ вовсе... Просто унесся въ длинный полуосвѣщенный коридоръ воспоминаній.

Настолько не спалъ, что слышалъ, какъ, вздохнувъ и отойдя отъ меня къ сестренкѣ, Костя замѣтилъ соболѣзную:

— Совсѣмъ нашъ дѣдъ Аркадій изъ ума выжилъ.

— Кого выжилъ? — забеспокоилась сердобольная сестра.

— Самъ себя. Подумай, говоритъ, что пили что-то, отъ чего голова болѣла, а передъ этимъ стукали рюмки объ рюмки, а потомъ садились и начинали чертей ловить... Послѣ ложились подъ заборъ и умирали... Будьте здоровы, какъ говорится!

Братъ и сестра взяли за руки и, размахивая ими, долго и сочувственно разглядывали меня.

Внукъ замѣтилъ, снова вздохнувъ:

— Старенькій, какъ говорится.

Сестренкѣ это тоже понравилось.

— Спать, какъ говорится. Чокнись съ нимъ скакалкой по носу, какъ говорится.

— А какая-то Вѣра Семеновна пила, какъ лошадь.

— Какъ говорится, — скорбно покачала головой сестренка. — Совсѣмъ дѣдъ поглупѣлъ, что тамъ и говорить. Какъ говорится.

Никогда, никогда молодость не можетъ понять старости. Плохо мнѣ будетъ въ 1954 году — охъ, плохо... Кхе-кхе!

Аркадій Аверченко.

ВѢНОКЪ БЕЛЬГИИ.

Чтобы никто забыть не могъ
Тѣхъ, кого уже нѣтъ,
Священной Бельгіи сплетаю вѣнокъ —
Влюбленный въ нее поэтъ...

Иду въ освѣтлѣвшій осенній лѣсъ;
Воздухъ морозный чистъ...
Слушаю хоралы вѣтровыхъ мессъ,
Опавшій собираю листь...

Пусть эти листья — печаль моя,
Эти листья — тихая грусть...
Гирлянда ихъ обручальная
Обручаетъ народы пусть...

Сѣверъ видитъ красивые сны
Подлѣ милыхъ своихъ болотъ,
А у теплаго моря дары весны,
Не умирающіе круглый годъ...

Хожу по огнямъ алмазныхъ росъ,
Цикады поютъ у ногъ,
Алый пухъ ароматныхъ розъ
Вплетаю въ золотой вѣнокъ...

Пусть эти розы — моя любовь,
Которая сильнѣй, чѣмъ грусть;
Священную Бельгію вновь и вновь
Прославятъ народы пусть...

Иду извилинами горныхъ тропъ
Среди надбездныхъ луговъ;
Вершины возносятся хрустальный гробъ
Не тающихъ никогда снѣговъ...

Легкія козы щиплютъ траву,
Звучный распѣваетъ рогъ,
Бѣлые подснѣжники прилежно рву
И вплетаю ихъ въ мой вѣнокъ...

Пусть ангеловъ очи на Божьемъ Судѣ
Тихая овѣтетъ прустъ, —
Невинность Бельгіи въ міровой бѣдѣ
Подснѣжники знаменуютъ пусть...

Чтобы никто забыть не могъ,
Тѣхъ, кого уже нѣтъ,
Странъ Великой сплетаю вѣнокъ —
Влюбленный въ нее поэтъ...

Валентинъ Горянский.

ЛИХОЙ ЪЗДОКЪ.

Нѣмецкаго кавалериста спрашиваютъ:

— Вы любите лошадей?

— Какъ вамъ сказать... Я, на примѣръ, объѣзжаю дикихъ лошадей.

— Что вы говорите! Какое мужество... Какъ же вы это дѣлаете?

— А такъ: если я знаю, что такая-то лошадь — дикая, такъ я стараюсь лучше ее за версту объѣхать, чѣмъ встрѣтиться съ этой тварью.

Волкъ.

Рис. В. Л.

СТАРЕЦЪ.

Нищій бредеть по дорогѣ,
Сивый, слѣпой...
Тычетъ клюкой.
Грязь и вода...
Старче убогій,
Куда?

— Многое старому вѣмо,
Шарю не зря
Я до Елгема¹
Царя.

— Съ чортомъ ты дружень,
Съ лихомъ иль съ кѣмъ —

¹ Елгемъ — въ простонародьѣ Вильгельмъ.

Что тебѣ нуженъ
Елгемъ?

— Ладанъ несу кровопійцѣ,
Ладанъ несу:
Душу убійцѣ
Спасу.

Ладанъ — ему въ очищенье...
Русь — не такъ!
Правдой — крѣпка,
Правдой одной,
Правдой прощенья
Святой.

Александръ Рославлевъ.

СТРАТЕГІЯ.

(Изъ цикла: „Старая Польша“.)

— Эхъ ты, лайдакъ! Видаль ли ты когда, чтобы добрый человекъ такъ ставилъ коня? Шахъ!

Панъ Чеславъ выходилъ изъ себя. Если бы не проклятый параличъ, онъ вскочилъ бы на ноги и показалъ бы таки этому лайдаку, пану Юзику, который такъ же плохо играетъ въ шахматы, какъ управляетъ его усадьбой.

Панъ Юзикъ крутитъ свой длинный усъ, сразу потѣеть отъ напряженія и передвигаетъ туру.

— Ну, вижу, панъ, что твоя голова — родственница моей пустой фляжкѣ изъ-подъ бенедиктина. Мать!

Панъ Юзикъ увѣряетъ, что во дни оны онъ былъ поручикомъ. Все возможно, но когда онъ пріѣхалъ къ пану Чеславу, то былъ просто сказать, голодранцемъ.

Первое свиданіе ихъ состоялось такъ. Вошла Магда и сказала:

— Въ сѣняхъ какой-то человекъ дожидается пана.

— Пошли его въ пекло!

— Человекъ этотъ говоритъ, что онъ родственникъ пана.

— Къ дьяволу!

— Слушаю.

Магда пошла къ дверямъ.

— Стой, дура! Развѣ я далъ тебѣ въ шею, что ты бѣжишь? Каковъ онъ съ лица, этотъ панъ?

— У него сизый носъ.

— Сизый носъ, говоришь ты? У моего дѣда, пана Винцента, былъ тоже сизый носъ... Пусть этотъ пьяница вымоется въ банѣ и придетъ сюда.

Черезъ два часа панъ Чеславъ спорилъ съ паномъ Юзикомъ.

— Я говорю, что, если наши построятъ карре, а нѣмецъ станетъ подковой, мы дадимъ нѣмцу въ то самое мѣсто, откуда у людей ноги растутъ, и нѣмецъ полетитъ къ дьяволовой матери, — кричалъ панъ Чеславъ.

— А я думаю, что намъ надо строиться клиномъ.

— Цѣлуйся, панъ, со своимъ клиномъ. Ты такой поручикъ, какъ я трубочистъ.

Съ этого времени до того яснаго августовскаго утра, когда панъ Юзикъ проигралъ пану Чеславу партію въ шахматы, прошло ровно два мѣсяца. И какъ только посрамленный панъ Юзикъ всталъ изъ-за стола, въ комнату вбѣжала Магда и, всплеснувъ руками, крикнула:

— Ой, горе, панъ! Нѣмцы идутъ!

— Какіе нѣмцы, дура? Развѣ они не стали подковой подъ Кѣльцами и развѣ наши не врѣзались карре?

— Паночекъ мой, люди говорятъ, что подъ Кѣльцами нашихъ нѣтъ.

— Врутъ люди.

— Ой, правда!

— Врутъ!

— Прибѣжалъ лѣсникъ Явтухъ и сказалъ, что нѣмцы въ усадьбѣ пани Ядвиги.

— Твой Явтухъ ничего не смыслитъ въ стратегіи... Эй, панъ Юзикъ!

— Что, панъ?

— Прикажи, панъ, вытащить изъ клуни мое старое ружье. Собакой я буду, если швабы сюда войдутъ, не перешагнувъ черезъ мой трупъ.

Когда пану послѣ долгихъ причитаній Магды вручили

ржавое ружье, выдавшее виды Рѣчи Посполитой, панъ принялся собственноручно чистить его, напѣвая:

Hej, panowie, hej, panowie!
Fusy na gamiona¹.

Къ вечеру прибѣжалъ поставленный у Рябой Балки на дозорѣ Явтухъ.

— Панъ Чеславъ, войско идетъ!

— Много?

— Швабскій лейтенантъ, а съ нимъ десять жолнеровъ.

— Магда, посади меня въ мое кресло для прогулки. Панъ Юзикъ, подай мнѣ ружье.

Магда и панъ Юзикъ исполнили его желаніе.

— Панъ Юзикъ, вези меня на шляхъ.

Черезъ нѣсколько минутъ панъ Чеславъ сидѣлъ у шляха. Вдали показалось золотое облачко пыли, и когда солнце сѣло за лѣсъ, оттуда выѣхалъ нѣмецкій офицеръ и на чистѣйшемъ польскомъ языкѣ сказалъ:

— Эй, кто тамъ? Сворачивай съ дороги!

— Ты кто, лайдакъ?

— Я поручикъ Карлъ Вехтеръ. Сворачивай!

— Собачья кровь! Откуда ты знаешь нашъ святой языкъ?

— Я — полякъ. Сворачивай, панъ, живо!

— Ахъ, ты, собака! Значить, ты противъ своихъ? Я же тебя угощу.

Панъ Чеславъ прицѣлился и спустил курокъ. Ружье взвизгнуло, залаяло и выпустило клубъ дыма. Поручикъ сидѣлъ на лошади и смѣялся, покачиваясь въ сѣдлѣ.

— Эхъ, ты, вояка, — сказалъ онъ и, обратившись къ своимъ солдатамъ, приказалъ имъ взять пана Чеслава, Магду и пана Юзика — и запереть ихъ въ хлѣвъ.

Когда пану Юзику скручивали за спину руки, онъ бормоталъ, заливаясь слезами:

— Я говорилъ, что надо было клиномъ.

А панъ Чеславъ упрямо мотнулъ головою:

— Трубочистъ ты, а не поручикъ! Надо было въ карре!

Як. Окуневъ.

ВЪ СВѢТЛОМЪ БУДУЩЕМЪ.

Б ы т ь.

Хозяйка въ платьѣ нѣжно-лиловомъ

Убираетъ къ журфиксу столъ.

— Чтобы все было въ стилѣ новомъ:

Гость нынѣ ядовитый пошелъ.

Придетъ экзекуторъ Кабанъ съ половиной,

Столоначальникъ, губернской снобъ...

Будутъ гости съ презрительной миной

Говорить про хозяекъ-жадобъ.

«Ишь, дескать, вѣдьма-лярва скупая, —

Пойдутъ въ уголкахъ цѣдить нараспѣвъ, —

— Добро-то въ мелочной покупая,

Хочетъ устроить блэффъ».

Дамы перемоютъ у нея всѣ кости,

Осудятъ гостиную, закуску, столъ...

— Вотъ они гдѣ сидятъ, эти гости...

Гость нынѣ ядовитый пошелъ!

Звонокъ взволнованно треплется въ прихожей.

— Явились идолы!.. Господи, пронеси!

— Вотъ и я!.. Хозяюшкѣ пригожей!..

Хозяйка радостно краснѣетъ: — Мерси!

Опять звонокъ оглашенно трепыхается, —

Явился экзекуторъ Кабанъ.

Толстый, красный, пытитъ, отдувается.

Сзади него дѣтей караванъ.

У Кабанихи физія бекасино-утиная

Изливаетъ ехидство вкругъ:

— Ну и прихожая, ну и гостиная!

На буфетѣ-то не дубъ, а букъ...

— Гости дорогіе, пожалуйста къ столику,

Какъ говорится, — чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ...

Кабанъ взволнованъ... — Мнѣ, алкоголику,

Дозвольте вотъ этого... Люблю денатурать.

Губернскій снобъ тоже оказываетъ честь:

Таетъ отъ блаженства толстая его фигура,

¹ Гей, ребята, гей, ребята!
Ружья на плечо.

— А по-моему, много лучше политура, —
Въ ней что-то inferнальное есть.

За дамскимъ столикомъ пахнетъ одеколономъ.

Ароматная влага блеститъ въ стеклѣ.

Нѣтъ числа разныхъ фасоновъ флаконамъ:

«Резеда», «Хризантемы» и даже «Moderne» отъ Ралле,

Для барышень отдѣльно есть угощенье:

Передъ тѣмъ, какъ польку не заигралъ рояль,

Слабенькіе поданы, для возбужденія,

Въ изящныхъ пузанчикахъ «Шампунъ» и «Вежеталь».

Снобу шепчетъ inferнальная Муна:

— Мнѣ кажется, я — гостя небесныхъ атмосферъ,

У меня кружится голова отъ «Шампуна».

Я охънена, какъ великій Шарль Бодлэръ.

Я такъ люблю французскую литературу:

Мопасанъ... Генрихъ Сенкевичъ... Вальтеръ Скоттъ...

— Ахъ, напрасно я пилъ политуру...

Приходите завтра, — у меня есть Гюго переводъ.

У васъ такой бергсоновскій ротикъ...

Я плыву въ челнокѣ по озеру грезъ,

Въ чаду какихъ-то туземныхъ экзотикъ...

Что, если бъ я вамъ еще «Шампуна» принесъ?

Хозяйка шепчетъ мужу у дверей кабинета:

— Слава Богу, сошло все, какъ у людей, —

Для Кабана нужна санитарная карета, —

Въ кухнѣ керосину назюзюкался злодѣй.

Снобъ стоитъ передъ Ѳеклою въ прихожей:

— Вы экзотична, какъ... какъ краковякъ...

Ѳекла ухмыляется всей радостной рожей, —

У нея внутри и снаружи лакъ...

Евг. Вѣнскій.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Передъ нами два совершенно одинаковыхъ рисунка, изображающіе двухъ авіаторовъ на аэропланѣ.

Одинъ — изъ «Синяго Журнала».

Другой — изъ «20-го вѣка».

Подъ однимъ подпись:

«Французскіе авіаторы съ высоты биплана обстрѣливаютъ Цеппелинъ.»

Подъ другимъ подпись:

«Боевой нѣмецкій аэропланъ съ пулеметомъ на передней части аппарата.»

Кто прилгнулъ? «Синій Журналъ»? «Двадцатый вѣкъ»? Или оба? И когда эти журналы перестанутъ дурачить своего жалкаго, забитаго, заматаннаго читателя?

*

Энъ-янковская газета «Биржевыя Новости», когда начинаетъ писать о театральныхъ дѣлахъ, напоминаетъ торговца сбитнемъ въ разность, разсуждающаго о фрескахъ Джіотто.

Коутса называетъ Каусомъ, галловъ — голлами, а эпоху Ганнибала — средневѣковьемъ:

Л. К. Каусъ о своей новой оперѣ.

Надъ моей новой оперой «Ашуръ Ганибаль», говоритъ Л. К. я работаю 18 лѣтъ. Въ настоящее время заканчиваю оркестровку оперы, а затѣмъ представлю ее въ театральнѣй комитетъ при Императорскихъ театровъ (?) Сюжетъ оперы взятъ изъ средневѣковой жизни — Нашествіе Ганибала, нападеніе голловъ на Римъ и т. д.

Одна сцена отведена балету. Танцы ассирійскіе. Кто будетъ ставить оперу — я еще не выяснилъ.

И не выяснитъ этого бѣдный Каусъ, потому что, кто же такую ассирійскую оперу изъ жизни голльскаго средневѣковья будетъ ставить.

*

Беллетристъ Вл. Ленскій сочинилъ въ «Петр. Курьерѣ» раненаго солдата, который такъ разсказываетъ про потерю собственной ноги:

Одна нога дрыгается, живая значитъ, а другая — словно ее и нѣтъ, какъ бревно какое. Думалъ сначала, что можетъ оторвало — такъ нѣтъ-же, вижу — сапогъ на ней, все какъ было, при мнѣ значитъ. — Ишь разлеглась, барыня какая! говорю ей: Ахъ, ты разъ этакая, не слухаться вздумала?... — Да хватъ ее кулакомъ объ это мѣсто. И что-жъ-бы вы думали?... Хоть-бы ей что! Даже не почувствовала, что ударилъ!.. А, ты такъ!.. Въ обозъ, значитъ, захотѣла?... Обозлился я, страшно сказать! Взялъ штыкъ, да и кольнулъ ее раза два...

— Ожила? — нетерпѣливо спросилъ кто-то.

— Черта съ два! — невозмутимо отвѣтилъ разказчикъ: — Коли, не коли — толку никакого! Не моя нога, — да и кончено! Одно слово — въ обозъ попала! Ко щамъ, да къ кашѣ поближе. Не дура!...

Конечно, русскій солдатъ — доблестенъ, что и говорить. Никакія раны и увѣчья не смущаютъ его героическаго духа.

Но все-таки сочинить такого солдата и такой стиль можетъ только голова, раздѣлившая печальную участь вышеописанной злополучной ноги...

Т У Д А.

Пусть смерть окровавленный танец
Танцует во имя свое...
— На плечи потрепанный ранец
И въ руки ружье!

Дорогу миллионам горящихъ
Сердецъ — вострепнувшихъ птицъ...
Разсыпьте въ вражескихъ чащахъ,
У стѣнъ иноземныхъ столицъ...

Туда, въ заколдованный теремъ,
Гдѣ смерть заклинанья творить!
Мы вѣримъ, мы радостно вѣримъ,
Что наше стремленье — гранить.

Что тамъ, у кровавой твердыни,
На горахъ покинутыхъ тѣль,
Мы сможемъ поставить отнынѣ
Для вражеской силы предѣль.

Нѣтъ слабыхъ. Не надо отсталыхъ.
Смыкайте стальные ряды.
Оставьте на всѣхъ перевалахъ
Орлиныхъ полетовъ слѣды...

Побѣдно колышется знамя:
Могучія руки несутъ...
За нами! Идите за нами
На месть и рѣшительный судь!

Арк. Буховъ.

ВОЕННЫЙ НОМЕРЪ.

... Есть желчные, неприятные, безпокойные журналисты и редакторы, которые, чтобъ получить какой-нибудь пустяко-

вый рисуночекъ штыкового боя или морской атаки, ѣдутъ на войну, не спятъ недѣлями, ночуютъ на землѣ, голодаютъ — и въ результатѣ, подсовывая своей редакціи потрепанную, неряшливую фотографію, съ простодушіемъ ребенка требуютъ за нее деньги:

— Мы не спали, мы не ѣли, мы не пили!

А другіе, умные и разсудительные, дѣловые, практичные люди никогда не пускаются на такіе мальчишескіе фортели...

* * *

Предстояла большая работа: надо было выпустить специальный военный номеръ.

— Батенька мой, — ласково трепалъ редакторъ секретаря по проникнутой сепаратистскими тенденціями пуговицѣ, — понимаете, нуженъ военный номеръ. Что-нибудь такое батальное... воинственное!.. знаете, чтобы каждая страница дымилась кровью, порохомъ и потомъ... Что?... Ну, можно безъ пота, но зато побольше пороху. Издатель мнѣ вчера такъ и сказалъ: или военный номеръ, или... вы понимаете это «или»... Словомъ, военный номеръ необходимъ!

Секретарь сосредоточенно погрызъ перо и сказалъ:

— Можно.

Оба усѣлись за столъ. Сторожъ принесъ ножницы, клей и бумагу.

Они работали.

* * *

— Вотъ что... дайте мнѣ что-нибудь калишское... звѣрское... только непременно графическое. Жертву какую-нибудь надо...

— Жертву?... — задумчиво переспросилъ секретарь. — Нашель. «Польскій помѣщикъ Станиславъ Пигулевскій, звѣрски замученный нѣмцами въ своемъ фольваркѣ, подъ Калишемъ».

— Великолѣпно! Сенсационный снимокъ. Ну... а какъ же съ портретомъ?

— Портретъ? — секретарь порылся въ ворохѣ старыхъ газетъ. — Вотъ рисунокъ къ публикаціи: «Я двѣнадцать лѣтъ былъ робокъ и чуждался женщинъ».

У ПРИБАЛТІЙСКИХЪ БАРОНОВЪ.

Рис. Ре-ми.

— Милый! По твоему радостному лицу я вижу, что наша побѣдоносная армія опять одержала побѣду!

— Прекрасно! Это будетъ жуткая страница. Дальше...

— «Французскій матросъ Рене Пижонъ, собственноручно взорвавшій нѣмецкій миноносець». Пикантно? .. а? .. вотъ и фотографія: «Вы должны признаться, что у васъ гемморой»...

— Великолѣпно.

Редакторъ весело ткнулъ секретаря въ животъ и залился торжествующимъ смѣхомъ путешественника, наѣхавшаго на новый архипелагъ.

— Ну, а что вы скажете насчетъ такой штучки: «Бельгійская графиня Ландокъ де Реюсси, проникшая въ нѣмецкія казармы и задушившая нѣмецкаго генерала; изрублена на мѣстѣ». Хорошо? ..

— Ну, такъ что? — тревожно спросилъ секретарь, — ну, задушила; а рисуночекъ какъ же? ..

— Рисунокъ? Что значить — рисунокъ?.. Каждый самъ себѣ рисунокъ, какъ сказалъ Шекспиръ... Вотъ вамъ снимокъ графини: «Кто хочетъ имѣть идеальный бюстъ». Что, съѣли? ..

— Да, конечно... вамъ легко... у васъ жалованье... гривенникъ строка... вамъ и бюсты въ руки...

— Стойте! Вотъ еще: «Арабскій шейхъ Улькъ-Мулькъ-Газаватъ проповѣдуетъ священную войну противъ европейцевъ». А вотъ и портретикъ... Какой? Ну, угадайте? .. а? ..

— Что тамъ гадать. Знаемъ ваши штучки — у меня научились. «Я былъ лысымъ»?

— Нѣтъ.

— «Много потрачено силъ»?

— Нѣтъ.

— «Моя мать была страдальцей»?

— Сами вы страдалецъ. Портретъ будетъ такой: «Желудочный кофе или смерть»!

— Виноватъ, виноватъ, у меня тоже темочка. «Поперечный разрѣзъ новой англійской подводной лодки», а вотъ и чертежъ, взгляните: «За два рубля діагоналевья брюки».

— Что тамъ подводная лодка. Вы мнѣ, батенька, баталію дайте. Одними брюками и графинями не отдѣлаешься. Дайте мнѣ что-нибудь японское.

— Пожалуйста, первый сортъ. «Взятіе Циндао». Рисуночекъ? .. Помните въ тысяча девятьсотъ третьемъ году: «Адмиралъ Того на приѣмѣ у микадо».

— Ура! Ну, а теперь что-нибудь сербско-черногорско-австрійское, и номеръ готовъ.

* * *

Номеръ вышелъ. Газетчики совали его въ руки прохожимъ. Прохожіе платили пятаки, прятали номеръ въ карманъ, приходили домой и читали. И вы читали и я читалъ. Всѣ читали...

Бор. Мирскій.

ВЪ ВАГОНѢ.

(Разговоръ съ отъѣзжающимъ туркомъ.)

Онъ сидѣлъ желтѣе муміи,
Весь — вѣнецъ турецкой прелести,
И въ томительномъ раздуміи
Разомкнулъ внезапно челюсти:
— Вы, невѣрные! Внемлите-ка
Безъ вражды и недовѣрія!
Наша внѣшняя политика
Это — тонкая матерія.
Результатъ ея достоинства
Это — то, что передъ врагомъ
Наше доблестное воинство
Вѣчно скрыто, словно пологомъ:
Завѣреніями смѣлыми
Затянулись, какъ туманами,
Оттоманы съ Дарданеллами,
Дарданеллы съ Оттоманами;
Силу русскаго довѣрія
Подъ личиною убожества
Наша мудрая имперія
Изучила до художества;
И, пока вы гдѣ-то въ Радомѣ
Изъ орудій звонко хлопали,
Провели мы маскарадами
Всѣхъ пословъ въ Константинополь!
Передъ вражескими станами,
Передъ вами, изувѣрами, —
Прикрывались мы «Султанами»,
А вершили все «Энверами»;

Развлекая васъ идилліей, —
Запасались между «нотами»
Не турецкою флотиліей,
А нѣмецкими дреднотами;
За чужими митральезками,
Въ ожиданіи убоины,
Приукрывши уши фесками,
Стали кайзеровы войны;
А за эту рать стрѣлецкую —
Для врага ли, супостата ли —
Обрядивъ въ чалму турецкую,
Дядю-Сандерса припрятали!
Развѣ вы объ этомъ вѣдали?
Гдѣ, тамъ, вѣдать вашей братіи!
Ну, такъ это — не побѣда ли
Нашей мудрой дипломатіи?

Я молчалъ задорно-молодо
И, утрюмо, какъ изъ ледника,
Окатилъ словами холода
Дипломата-собесѣдника:
— Слушай, турокъ, голосъ критика
Безъ вражды и недовѣрія!
Ваша внѣшняя политика
Вѣрно, — тонкая матерія!
Результатъ ея достоинства
Это — то, что передъ врагомъ
Ваше доблестное воинство
Вѣчно скрыто, словно пологомъ.
Но... блистая подготовками, —
Для врага ли, супостата ли —
Вмѣсто «турокъ подъ винтовками»,
Вы «кого-нибудь» припрятали?
— Нѣтъ! — Сморгнулъ чудакъ орбитами, —
Это — выше бухгалтеріи!
— Ну, такъ «вамъ» и быть же битыми,
Несмотря на всѣ матеріи!

Онъ застылъ желтѣе муміи,
Весь — вѣнецъ турецкой прелести,
И, въ томительномъ раздуміи,
Вновь сомкнулъ покорно челюсти.

Владиміръ Воиновъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Трудная марка.

Въ Копенгагенѣ изъ Берлина отъ германскаго гвардейскаго офицера получено было письмо; на конвертѣ подъ маркой было написано: «Мы проиграли кампанію».

Скоро это не только подъ маркой — и на маркѣ придется написать.

„Гурманы“.

„Киг. Рог.“ сообщаетъ изъ м. Блашки, Калишской губ., что нѣмцы разстрѣляли владѣльца имѣнія Зволень Бронислава Чутовскаго. Передъ разстрѣломъ нѣмцы заставили Чутовскаго выкопать себѣ могилу. Возмутительнѣе всего то, что при копаніи могилы и при разстрѣлѣ должны были присутствовать жена и дѣти Чутовскаго.

Еще одинъ изъ тысячи гвоздей въ гробъ Германіи...

Во власти воспоминаній.

Въ понедѣльникъ императоръ Вильгельмъ, неожиданно покинувъ боевой фронтъ во Фландріи, посѣтилъ, историческій домикъ въ Доншери, близъ Седана, гдѣ 2-го сентября 1870 г. Наполеонъ велъ переговоры съ Бисмаркомъ, перелъ тѣмъ, какъ слатся.

Владѣлица этого историческаго домика еще жива. Обратившись къ ней, императоръ Вильгельмъ попросилъ указать ему комнату, въ которой происходили переговоры. Императоръ долго разсматривалъ висящіе на стѣнѣ портреты Наполеона и Бисмарка съ ихъ факсимиле и подаренныя Наполеономъ владѣлицѣ четыре 20-франковыя монеты, сохраняющіяся подъ стекломъ.

Говорятъ, — когда Вильгельмъ осматривалъ эти монеты, владѣлица домика, зная, что въ Германіи недостатокъ золота, внимательно слѣдила за руками вѣнценоснаго нѣмца.

— Эхъ, — подумалъ Вильгельмъ. — Жаль, что здѣсь нѣтъ сына моего — кронпринца... Онъ специалистъ по этимъ дѣламъ.

Соколиные поступки.

Изъ Л., временно занятаго нѣмцами, сообщаютъ:

Пострадалъ государственный банкъ, гдѣ подъ руководствомъ офицера нѣмецкіе солдаты взламывали полы, отыскивая золото и находящіеся здѣсь два милліона. Соколы обратились совсѣмъ въ бандитовъ: вымогали деньги у поляковъ, вербовали молодежь въ свои ряды, а, когда она отказалась, выпустили разбойниковъ изъ тюрьмы.

Логично. Очевидно, эта послѣдняя „молодежь“ съ большимъ удовольствіемъ пополнила ряды соколовъ, чѣмъ обыкновенная польская молодежь.

Братья-разбойники.

Въ Константинополь получена телеграмма:

„Кронпринцъ, отъ имени своего и пятой германской арміи, въ качествѣ ея командующаго, обратился къ Энверу-пашѣ съ привѣтственной телеграммой, въ которой выражаетъ ему братскія чувства“.

— Гм! — подумалъ Энверъ, получивъ эту телеграмму. — Онъ называетъ меня братомъ?.. Когда же это я воровалъ изъ замковъ драгоценности, принадлежащія частнымъ лицамъ?

Мирное житіе.

Всякій человѣкъ экипируетъ себя, какъ можетъ:

Изъ Константинополя въ Одессу сообщаютъ, что Энверъ-паша явился въ послѣднее засѣданіе совѣта министровъ въ сопровожденіи шести адъютантовъ, вооруженныхъ револьверами.

Это — пока война не дала еще результатовъ.

А когда результаты выяснятся, Энверъ никуда носа не покажетъ безъ двухъ дредноутовъ подъ мышками и скорострѣльной пушки, заткнутой за поясъ.

Проектъ.

Въ „Badische Landeszeitung“ помѣщено стихотвореніе надворнаго совѣтника Генриха Фирердта, который проситъ перепечатать таковое въ другихъ газетахъ. Авторъ предлагаетъ не брать плѣнныхъ, поражая всякаго врага штыкомъ въ сердце. Непрiятельскую страну, по мнѣнію этого поэта, слѣдуетъ превратить въ пустыню.

И въ пустынь этой будетъ бродить осель.

И имя этому ослу будетъ — Генрихъ Фирердтъ.

Крестъ.

Американская печать съ насмѣшкою замѣчаетъ, что императоръ Вильгельмъ съ такой легкостью раздаетъ въ войскахъ высшую военную награду, военный крестъ какъ будто это были папиросы.

Вильгельмъ плохо соображаетъ: чѣмъ раздавать каждому изъ своихъ солдатъ отдѣльные кресты, поставилъ бы онъ сразу на всей своей арміи крестъ.

Безкровная побѣда.

Нѣмецкая жизнь въ Лодзи:

Все безчинство ограничилось на первыхъ порахъ дикимъ пьянствомъ. Напивался въ гостиницѣ полковникъ Гофманъ, назначенный вначалѣ комендантомъ Лодзи, напивались вырядившіеся въ новенькіе мундиры офицеры, отравлялись денатурированнымъ спиртомъ солдаты. Они до того приналегли на этотъ спиртъ, что, по свѣдѣніямъ лодзинской милиціи, восемь человѣкъ изъ нихъ умерло, а шесть ослѣпло.

Оказывается, что нѣмцевъ можно поражать не только чугунными снарядами, но и стеклянными — типа бутылки.

Скромные идеалы.

Радостное настроеніе въ Вѣнѣ по поводу выступленія Турціи не прекращается. Во время сочувственной манифестаціи передъ зданіемъ турецкаго посольства турецкій посолъ произнесъ съ балкона рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ, что если дѣло дойдетъ до войны, то турки будутъ сражаться такъ же побѣдоносно, какъ и австрійцы (!).

Хотя мы и воюемъ съ турками, но какъ тутъ не сказать искренно и убѣжденно:

— Пошли вамъ Аллахъ исполненіе вашего желанія!

Юмористы.

Варшавскій корреспондентъ рассказываетъ:

Вотъ ведутъ черезъ Варшаву партію плѣнныхъ. Смотрю, веселы. Радуются, что взяли ихъ въ плѣнъ; говорятъ мнѣ:

— Хотѣли быть въ Варшавѣ и попадемъ, — своего добились! Ха-ха-ха! Варшава теперь наша. Привѣтствуйте побѣдителей!

Какіе пріятные, веселые молодые люди! Вѣроятно, свѣжій юморъ, которымъ они переполнены, и впредь скраситъ ихъ жизненный путь...

Неожиданная помощь.

Англійская газета „Impartial“ сообщаетъ 30 октября (нов. ст.), что германскимъ солдатамъ подъ страхомъ разстрѣла воспрещено упоминать о взрывѣ одной изъ трехъ 42-сантиметровыхъ крупновскихъ мортиръ на правомъ крылѣ германскихъ войскъ. Тѣмъ не менѣе свѣдѣнія о взрывѣ проникли въ англійскую печать, при чемъ сообщалось, что при взрывѣ орудія, который произошелъ отъ неправильнаго заряда, погибло около 250 человѣкъ.

Поистинѣ, изувѣченное орудіе заслуживало бы, чтобы англичане пожаловали ему высшій орденъ за доблестное содѣйствіе стремленіямъ союзниковъ.

Судъ Соломона.

Сотрудникъ одной газеты рассказываетъ о томъ, какая юстиція въ Персіи, дѣлающей сейчасъ по адресу Россіи угрожающіе жесты:

Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ судебного разбирательства между туземцами, которое закончилось тѣмъ, что праведный судья обложилъ одинокимъ штрафомъ въ свою пользу истца и оштрафовалъ, которые оба были водворены въ тюрьму до взноса назначеннаго штрафа.

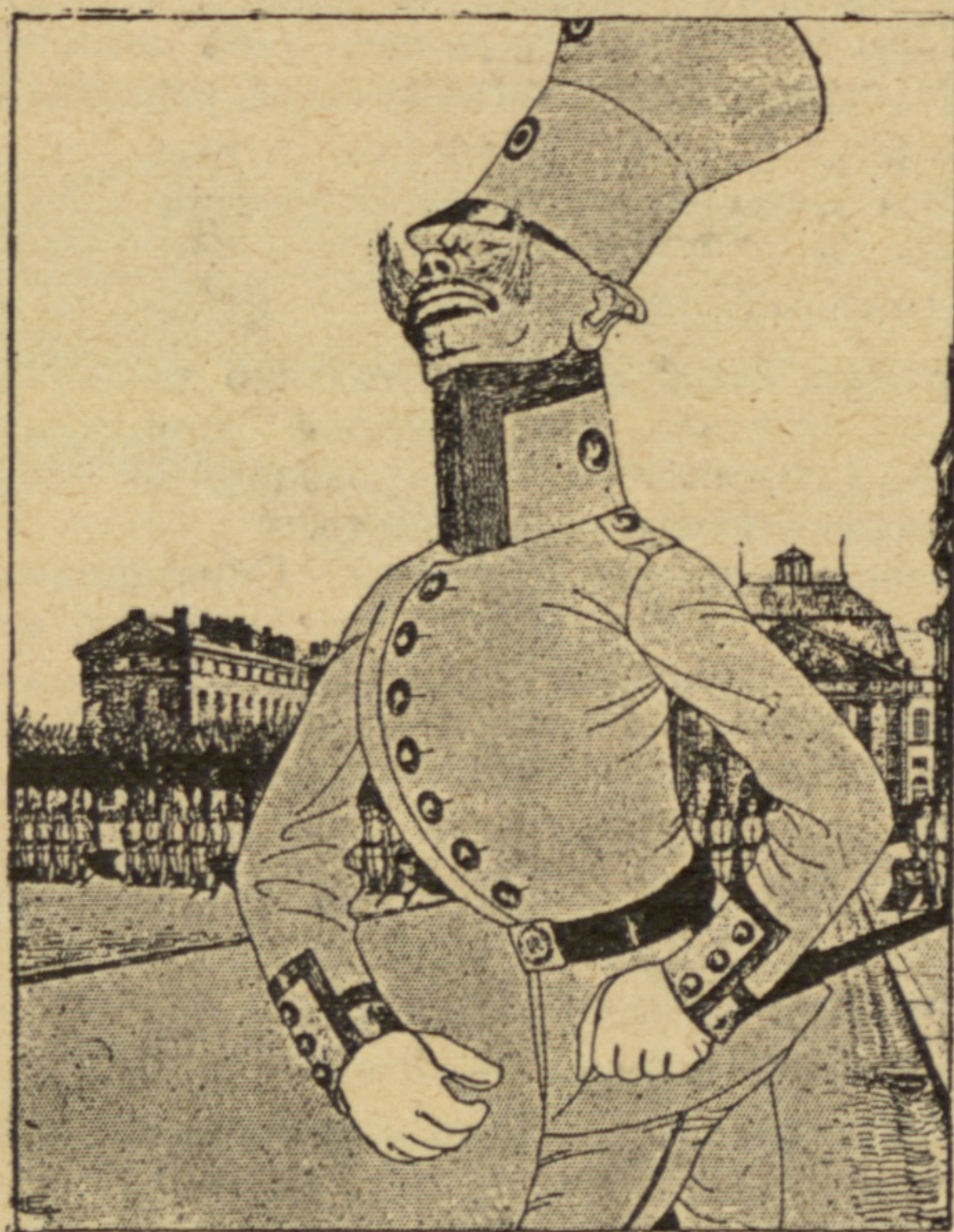
Дѣтямъ и внукамъ закажутъ тяжущіеся судиться впредь. Персидскій порошокъ — хорошъ. Объ юстиціи персидской того же сказать нельзя.

Самообладаніе.

Любопытенъ маленькій фактъ, характеризующій бельгийцевъ. Когда, въ виду тревожнаго времени, всѣ министерства и высшія административныя учрежденія были переведены изъ Брюсселя въ Антверпенъ, на закрытыхъ дверяхъ одного изъ министерствъ появилась слѣдующая надпись мѣломъ, сдѣланная однимъ изъ бельгийцевъ: „Тор-

ФРАНЦУЗЫ О НѢМЦАХЪ.

(Изъ парижскихъ журналовъ.)

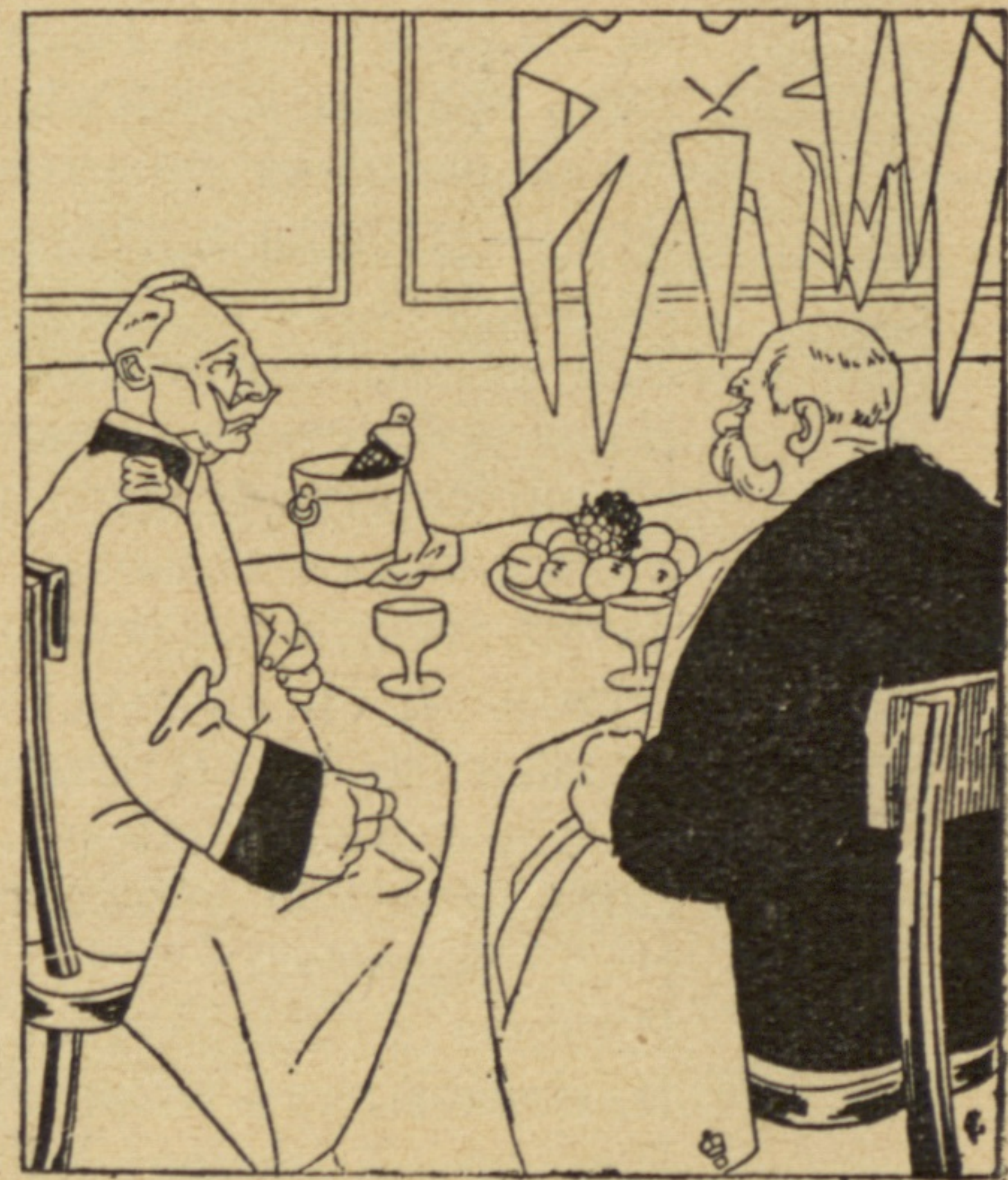

— Прусскій солдатъ никогда не можетъ быть неправымъ! У насъ, слава Богу, всегда правъ, тотъ, кто сильнѣе.

ТУРЕЦКАЯ ГОРДОСТЬ.

Турокъ (державамъ): — Стану я унижаться до разговоровъ съ вами!

УТѢШЕНІЕ ЦЕППЕЛИНА.

— Не надо черезчуръ волноваться, ваше величество, изъ-за негодности нашихъ воздушныхъ кораблей. Въ крайнемъ случаѣ, можно ими воспользоваться, какъ удушливыми бомбами.

— Позвольте представиться: представитель фирмы „Военная экономія“. Война выработала совсѣмъ особую технику, которую я съ обычнымъ для насъ терпѣніемъ, довелъ до идеала... Теперь даже самое маленькое государство можетъ позволить себѣ роскошь войны. Прошу убѣдиться. Напримѣръ...

Берется самая обыкновенная пара дѣтей (можно напро ать), привязывается къ столбу, (50 пфенниговъ), а за нихъ ужъ скрывается воинъ. Скажите, какой же варваръ рѣшится стрѣлять въ дѣтей? Такимъ образомъ, вамъ не надо рыть окоповъ, а это большая экономія.

Броненосецъ стоитъ 10 миллионѣвъ, — листъ картона стоитъ 50 пфенниговъ, краска 15 пфенниговъ. Вы берете этотъ листъ, дѣлаете изъ него лишнюю фальшивую трубу, — и броненосецъ спасенъ отъ вражьиъ выстрѣловъ! Не правда ли, просто?!

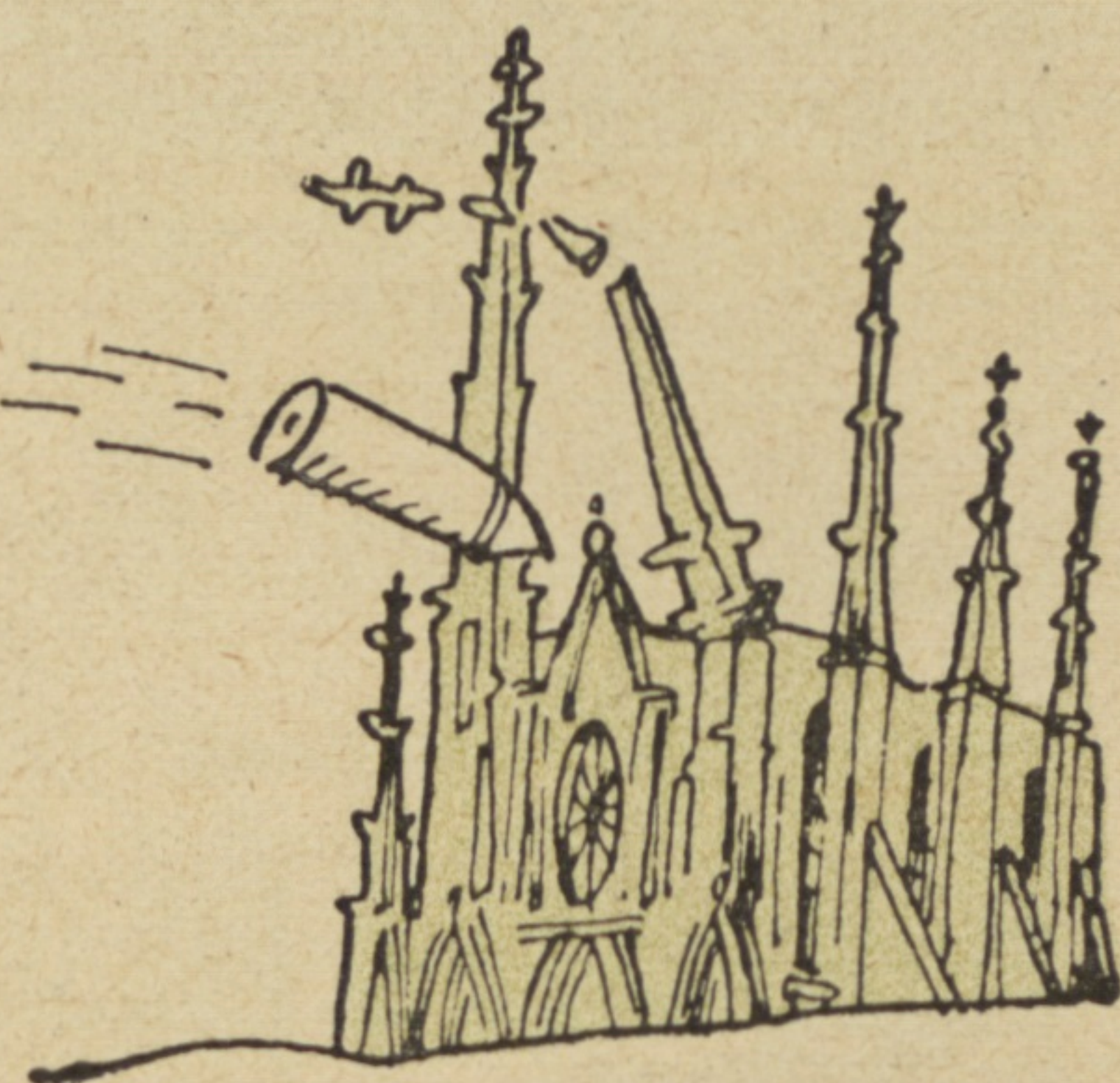
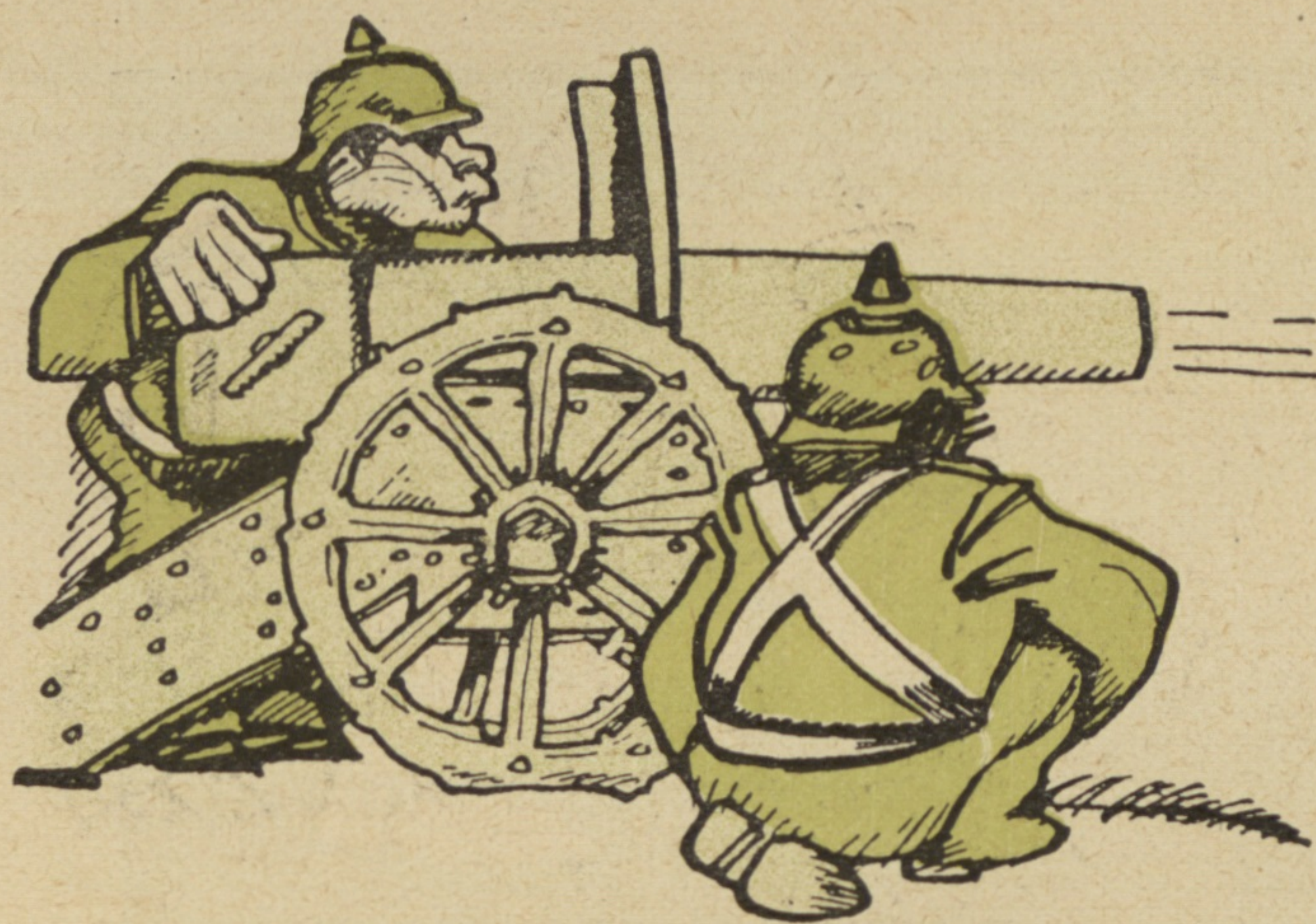
Дальнобойныя орудія и ружья очень дороги, но можно обойтись и безъ нихъ: для этого достаточно имѣть кусокъ бѣлой матеріи (2 марки). Вы размахиваете имъ, врагъ думаетъ, что вы сдаетесь, подходитъ, — и вы имѣете возможность бить его на выборъ!

Берете простую работницу (1 марка въ день), вырѣзываете у нея языкъ или выкалываете ей глаза, оставляете записку: „Эта собака убита нами“ (на запискѣ ставите национальность вашего врага), — видъ этой женщины очень подѣйствуетъ на вашихъ солдатъ и часто можетъ гарантировать вамъ побѣду!!

На войнѣ масса цѣнныхъ грузовъ. Какъ спасти ихъ отъ разрушенія? Очень просто. Вотъ эта баночка съ краской (1 марка) сдѣлаетъ это. Берутся вещи, складываются въ ящики. И на каждомъ ящикѣ ставится красный крестъ. Ясно, что непріятель не посягаетъ на нихъ!

Но я не чуждъ и великихъ культурныхъ задачъ. Самое главное, это — распространеніе среди враговъ чудныхъ книгъ нашихъ гуманистовъ. Читая ихъ, враги будутъ думать, что мы самый благодушный, добрый народъ въ мирѣ... И не будутъ насъ остерегаться... Вы понимаете?..

ВОЙНА — РАЗРУШЕНІЕ... ЭТО ПРАВДА... НО ВОТЪ КАКЪ РАЗРУШАЮТЪ НѢМЦЫ...

говый домъ „Бельгія“ временно закрытъ, по случаю расширения помѣщенія“.

Счастливъ тотъ, кто и въ бѣдѣ не теряетъ хорошаго расположенія духа.

А съ такими мастерами, какъ Россія, Франція и Англія, бельгійское помѣщеніе будетъ расширено въ самомъ скоромъ времени.

Старое старится — молодое растетъ.

Сотрудникъ „Биржев. Вѣд.“ печатаетъ свои личныя воспоминанія о пребываніи въ Россіи на маневрахъ въ 1889 году императора Вильгельма II.

Дождь пересталъ и выглянуло солнце. Въ ожиданіи высочайшаго завтрака, предложеннаго на открытомъ воздухѣ, начальствующія лица, разбившіяся по группамъ на шоссе, громко бесѣдовали. Въ одной изъ нихъ стоялъ Вильгельмъ, а рядомъ съ нимъ Бисмаркъ-сынъ и Мольтке — племянникъ фельдмаршала, нынѣ начальникъ генеральнаго штаба. Тутъ же стояли великій князь Владиміръ Александровичъ и нѣсколько нашихъ генераловъ. Вильгельмъ, стараясь говорить по-русски, указывая на Бисмарка и Мольтке и вспоминая стариковъ, сказалъ: „То были старые дубы, а это молодыя дубины“...

Выросли теперь эти молодыя дубины и, увы, не стали старыми дубами, а сдѣлались старыми дубинами.

Ибо никогда изъ дубины дуба не получится, и скоро Вильгельмъ, подписывая миръ, въ этомъ убѣдится.

Турецкій святой.

Человѣку, можетъ быть, надлежало принять только холодную ванну, а онъ принимаетъ — исламъ!!

Изъ 184 документовъ „Бѣлой книги“, составленной въ Англіи, одинъ документъ можетъ смѣло быть вплетенъ въ книгу Шехрезады. Константинопольскія газеты получили литературный бакшишъ отъ германскаго посольства съ тѣмъ, чтобы объявить всему мусульманскому міру радость нѣсколько сомнительнаго свойства: Вильгельмъ Гогенцоллернъ, молъ, принялъ исламъ.

Еще повоюетъ Вильгельмъ полгода — и сдѣлаетъ себѣ карьеру: очутится на положеніи турецкаго святого.

Ибо сказано:

— Голь, какъ турецкій святой.

Награда.

Наградю убійцѣ Энверу-пашѣ, если турецкимъ войскамъ удастся дойти до Тифлиса (!), императоръ Вильгельмъ назначилъ орденъ Pour le Mérite.

Это орденъ — гадательный: дойдетъ или не дойдетъ Энверъ до Тифлиса — это еще вопросъ.

А турки пожалуютъ Энверу вѣрный орденъ, который никакъ не минетъ его шеи.

Орденъ это деревянный, на шелковомъ шнуркѣ. И не онъ виситъ на человѣкѣ, а человѣкъ виситъ на немъ.

Бѣдный Энверъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

Петроградъ, Невскій, 98.

Дешевая юмористическая библіотека

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДА ЖУНОВАЯ КНИГА:

О. Л. Д' Оръ

ПРОКЛЯТІЕ НАЧАВШИМЪ

Обложка работы РЕ-МИ.

Цѣна 10 коп.

САМОУЧИТЕЛИ РЕМЕСЛЪ.

Багетнаго, съ 31 рис. — 30 к. Бочарнаго, съ 50 рис. — 40 к. Булочнаго — 35 к. Выжиганія, съ 46 рис. — 30 к. Выпиливанія, съ 46 рис. — 30 к. Жестяного, съ 98 рис. — 40 к. Зеркальнаго, съ 5 рис. — 30 к. Золоченія и серебрениа по дереву и металлу, съ 14 рис. — 30 к. Кожевеннаго, съ 5 рис. — 30 к. Корзиночнаго, съ 52 рис. — 30 к. Краснодеревнаго, съ 117 рис. — 30 к. Кузнечнаго, съ 62 рис. — 30 к. Кровельнаго, съ 103 рис. — 30 к. Лаковъ и замазокъ — 30 к. Литейнаго, съ 54 рис. — 50 к. Луженія, паянія и никкелированія — 30 к. Малярнаго — 30 к. Мукомольнаго, съ 28 рис. — 50 к. Мыловареннаго, съ 37 рис. — 40 к. Обойнаго, съ 67 рис. — 30 к. Перешлетнаго, съ 76 рис. — 40 к. Печного, съ 30 рис. — 40 к. Плотничьяго, съ 104 рис. — 30 к. Полированія и лакированія — 50 к. Починки галошъ и шинъ — 30 к. Прачечнаго и красильнаго — 40 к. Выдѣлки ваксы — 25 к. Лампаднаго масла — 30 к. Колесной мази — 30 к. Чернилъ — 30 к. Протравки дерева подъ дубъ, орѣхъ и т. п. — 50 к. Рѣзчика по дереву, съ 62 рис. — 30 к. Сапожнаго, съ 20 рис. — 50 к. Слесарнаго, съ 94 рис. — 30 к. Скобяжнаго — 30 к. Столярнаго, съ 118 рис. — 50 к. Тельжно-колеснаго, съ 26 рис. — 40 к. Токарнаго по металлу, съ 103 рис. — 50 к., по дереву, съ 141 рис. — 30 к. Часоваго, съ 43 рис. — 50 к. Чемоданнаго, съ 39 рис. — 40 к. Черепичнаго, съ 59 рис. — 50 к. Чучельнаго, съ 44 рис. — 40 к. Шорнаго, съ 44 рис. — 30 к. Штемпелей каучукъ, съ 11 рис. — 40 коп. Штукатурнаго, съ 52 рис. — 30 коп. Щеточнаго, съ 39 рис. — 30 коп.

КНИГИ ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКѢ.

Домашній Электротехн. съ 66 рис. — 30 к. Гальванопласт., съ 27 рис. — 40 к. Постр. маленьк. аккумулятора, съ 37 рис. — 30 к. Постр. маленьк. динамо-машины, съ 25 рис. — 30 к. Постр. мал. электр. двиг., съ 35 рис. — 30 к. Устр. деш. электр. освѣщ. лампочки накаливан., съ 39 рис. — 30 к. Никкелиров. собственноручн. приб., съ 6 рис. — 30 к. Сухіе гальваническіе элементы съ 12 рис. — 30 к. Спутникъ электромонтера, съ 40 рис. — 40 к. Устр. спирали Румкорфа и опыты, съ 26 рис. — 30 к. Школа электротехн., съ 59 рис. — 40 к. Электр. звонки и сигнализациа: проводка, ремонтъ, съ 76 рис. — 30 к. Электр. освѣщеніе, устройство, новости, съ 100 рис. — 40 к. Устройство карманныхъ фонарей, съ 29 рис. — 30 к. Обмотка якорей динамо-машинъ, съ 13 рис. — 30 к. Постр. динамо-машины съ кольцеобр. якоремъ, съ 48 рис. — 50 к. Какъ построить беспровол. телегр., съ 49 рис. — 40 к. Высылаетъ наложеннымъ платежомъ

въ Петроградъ—Книгоиздательство А. Ф. СУХОВА, Б. Подъяческая, 19, въ Москвѣ — Книжн. складъ М. Петрова, бл. Охотн. ряда, Тверская, 13. Пересылка одной книги — 15 к., 2 кн. — 19 к., 3 кн. — 23 к., 4 кн. — 27 к. и 5 кн. — 31 к. Наложеннымъ платежомъ на 10 коп. дороже. При выпискѣ на 3 руб. пересылка бесплатно. Кataloги высылаются бесплатно.

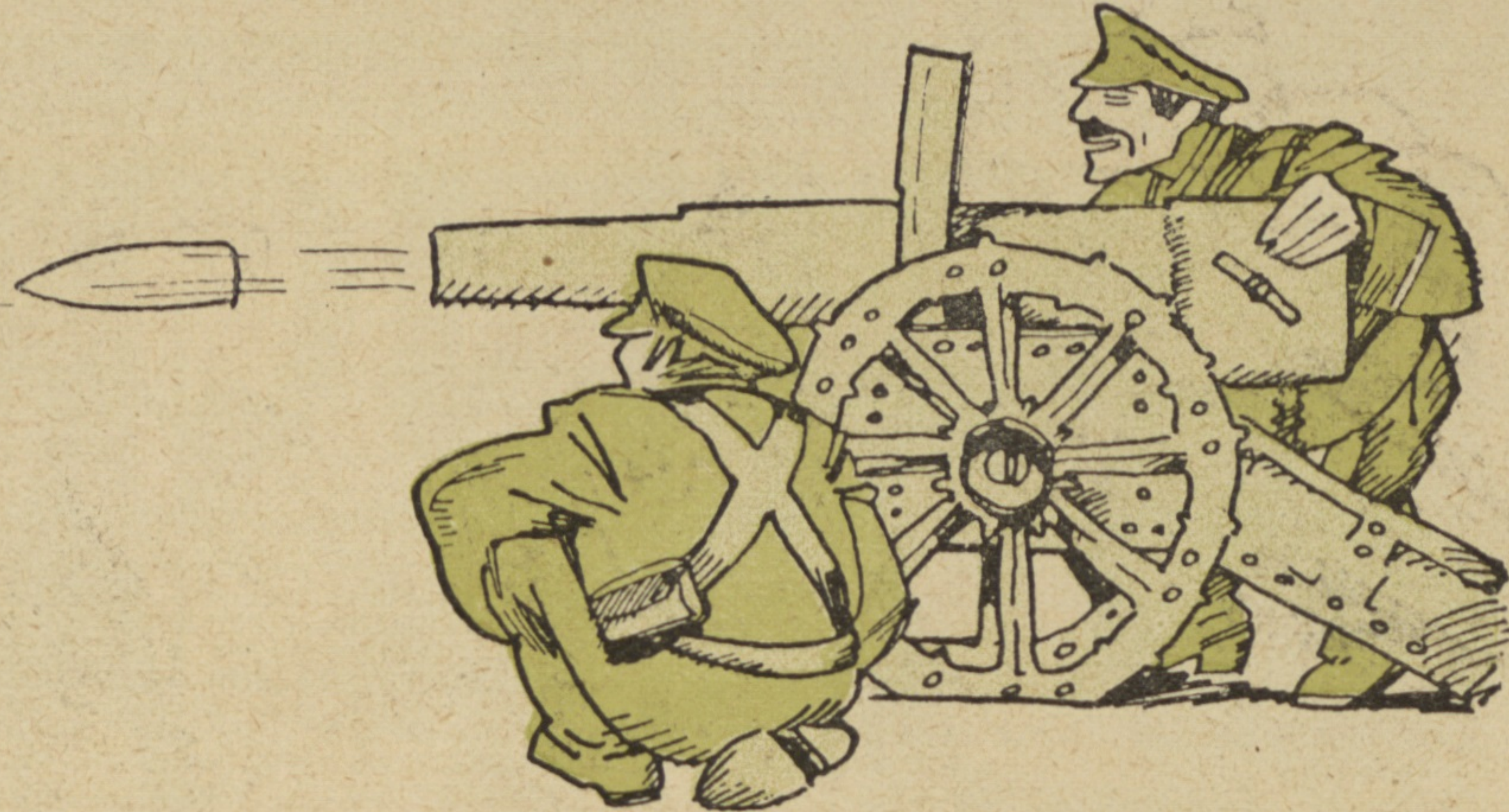
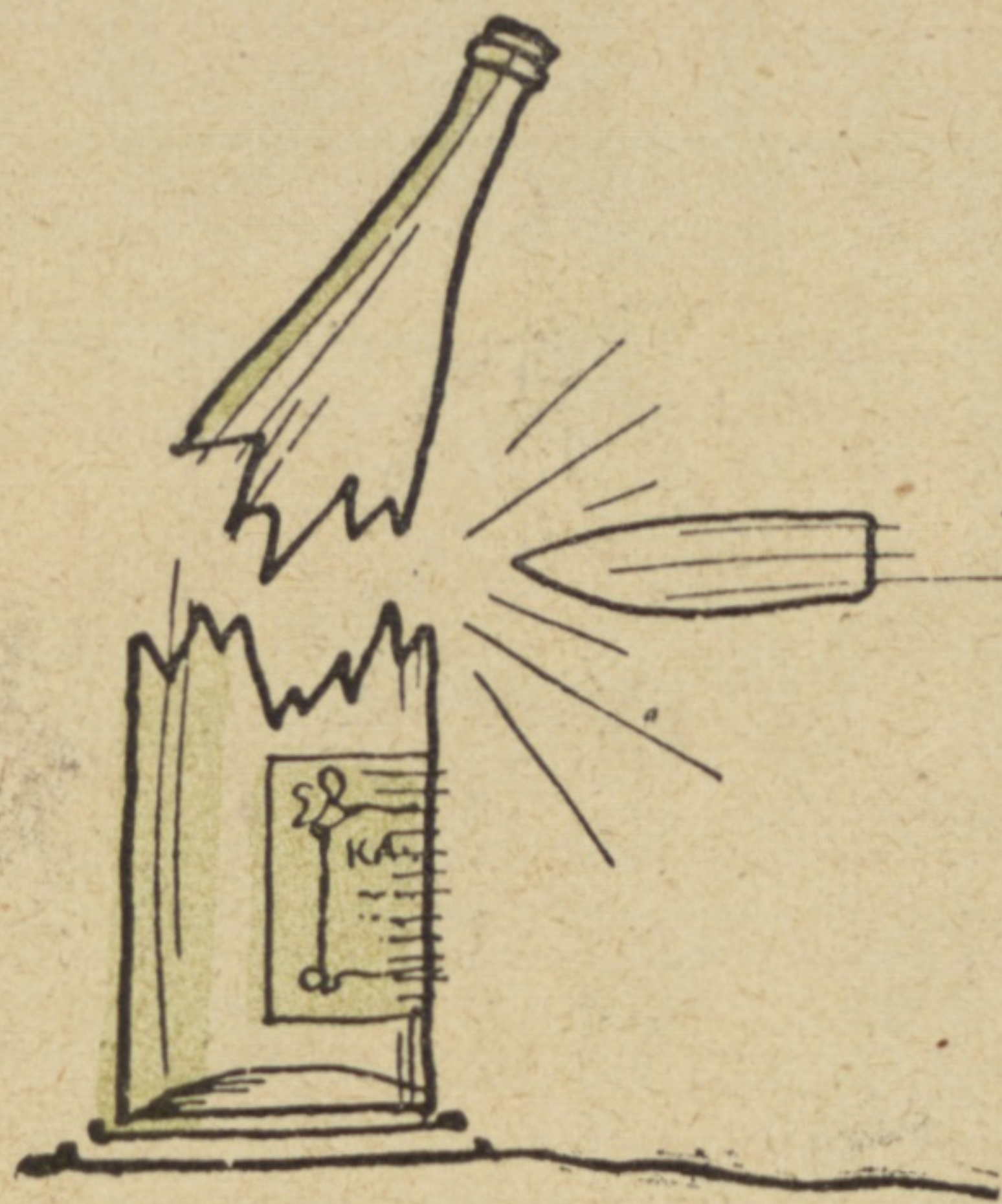
Состоящій подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ покровительствомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА СКОБЕЛЕВСКІЙ Комитетъ,

открывая госпитали-санаторіи для леченія воиновъ, призванныхъ подъ знамена на защиту Родины, — призываетъ отзывчивыхъ русскихъ людей внести свою посильную лепту на пользу тѣхъ, кого такъ горячо любилъ незабвенный Михаилъ Дмитриевичъ СКОБЕЛЕВЪ и кто боготворилъ его.

Ни суммой, ни количествомъ жертвуемаго просятъ не стѣсняться, такъ какъ всякое пожертвованіе, какъ вещами, такъ и деньгами, будетъ принято съ благодарностью.

Лицъ, желающихъ помочь своимъ личнымъ трудомъ, просятъ пожаловать въ Канцелярію Комитета.

Пожертвованія принимаются въ Канцеляріи Комитета, Петроградъ, Пески, Мытнинская ул., № 27.

... И ВОТЪ КАКЪ РАЗРУШАЕМЪ МЫ, РУССКІЕ.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятые рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.
 Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Иргенсъ. — Тысячи такихъ стиховъ фабрикуются ежедневно.
М. Ав. М. — Не подошло.
Serge Solo — Не льстите; все равно, не напечатаемъ.
Юрлю Алеву. — Одну мелочь взяли.
Костанжогло. — Пишетъ Костанжогло: „Не откажите указать — какимъ образомъ слѣдуетъ пересылать вамъ рукописи и рисунки?“
 Предпочитаемъ, чтобы на верблюдахъ.

Б. Москва.

Студенту Б. — Не подошло.

В. Провинція.

Ярославль — Барщевскому. — И такъ время сейчасъ угрюмое, а вы еще панихидныя вещи ссчиняете.
Самара — Фавну. — „Взять инициативу управленіемъ“ — никакъ нельзя. Въ качествѣ хиромантовъ скажемъ вамъ: остерегайтесь бѣлой бумаги и учителей словесности.

Курскъ — Шумскому. — О Вильгельмъ:
 ... И тогда съ казакомъ съ плетью
 Онъ издалъ такой указъ:
 — Награжу того съ честью,
 Кто поймаетъ тѣхъ проказъ.
 Проказа даже въ единственномъ числѣ — скверная вещь.

Противъ головныхъ болей
 ПРИМИТЕ ДВѢ ТАБЛЕТКИ
КЕФАЛДОЛЬ СТОРЪ
 Быстро дѣйствующее и совершенно безвредное средство. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Лабораторіи: Лондонъ, Парижъ, Нью-Йоркъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

Во множественномъ же, подобно вашимъ стихамъ — это народное бѣдствіе.

Саратовъ — Зе и Пе.

Если не посмотришь наверхъ — въ одинъ моментъ Тебѣ бомбой сломаютъ головной инструментъ.

Оно и замѣтно.

Одесса — Энкаръ. — Не подошло.

Симферополь — Акулисту (?) — „Изъ двухъ показанныхъ ему ножницъ, онъ выбралъ ту, которая была дешѣвле“.

Когда вы катаетесь на саняхъ, то, вѣроятно, берете двое саней. Или одну саню? На одной санѣ не катались, а?

Орель — Н. Д. Р. — Легко теперь, канальство, писать, „военные“ стихи:

Я закутался въ шинель,
 Надо мной летитъ шрапнель,
 И стрѣляютъ гаубицы,
 Завтра утромъ будемъ биться.

Въ Орлѣ? Биться? Полноте.

Надъ рѣмой вы будете биться; надъ размѣромъ будете биться. И проиграете сраженіе.

Въ простр. — Аморетто. — Тоже военный штрихъ:

„... Онъ хваталъ пачки патроновъ и принялся стрѣлять этими пачками“.

Взять бы пачку вашихъ рассказовъ да выстрѣлить въ васъ, чтобы не писали больше.

Могилевъ — Як. Б-ову. — „Лизочка раздувала ноздрями“.

Если раздувала вашъ успѣхъ — то не удалось ей это.

Казань — Теткиному сыну. — Пишетъ этотъ самый теткинъ сынъ:

Сижу я себѣ на скамейкѣ
 И денегъ у меня нѣтъ ни копѣйки.

И не будетъ.

Такое стихотвореніе не деньги принесетъ, а одинъ неприятности.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
 Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
 за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 21. Тел. 477-35, 29-65, и 182-22.

Комфортабельные кабинеты.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ СЕРІЯ ВОЕННЫХЪ

І СЕРІЯ
(6 шт.)

ЮМОРИСТИЧЕСКИХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ОТКРЫТЫХЪ ПИСЕМЪ

І СЕРІЯ
(6 шт.)

издательства „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Рисунки художниковъ: И. Билибина, Миссъ, А. Радакова и Ре-ми.

Цѣна серіи 40 коп., съ пересылкой 50 коп.

Суммы до 10 рублей можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

2-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
 на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

2-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 98. Телефонъ № 59-07.

Р А Н Ъ Ш Е.

- Кто тамъ пришелъ, Маша?
- Господинъ какой-то
- Приличный?
- Да-съ. Одеколономъ отъ нихъ очень хорошо пахнеть.

Т Е П Е Р Ь.

- Кто тамъ пришелъ, Маша?
- Господинъ какой-то.
- Приличный?
- Что вы! Шаромыга какой-то. Одеколономъ отъ него такъ и разить!

В Ъ Ц И Р К Ъ.

— Милостивыя государыни и государи! Сейчасъ вамъ будетъ показанъ капитанъ Киддъ по прозванію „Желѣзный желудокъ“. Капитанъ съѣсть пару резиновыхъ калошъ, фунтъ гвоздей, выпьетъ четвертую керосина, а въ заключеніе исполнитъ самый трудный, сенсационный номеръ своей программы: выпьетъ два стакана настоящей водки!

У С У Д Ы И.

— Подсудимый! Вы обвиняетесь въ томъ, что украли изъ медицинскаго музея этотъ препаратъ въ спирту. Что вы скажете въ свое оправданіе?
— О, г. мировой судья! Но вѣдь я такъ люблю дѣтокъ! Своихъ же у меня нѣтъ...